

Hanna Popowska-Taborska, **Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka**, wyd. 3., poprawione i uzupełnione. – Warszawa: Instytut Sławistyki PAN; Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2014. – 212 s.

Книга *Ранняя история славян в свете их языка* профессора Ханны Поповской-Таборской – многолетней сотрудницы Института славистики Польской Академии наук, труды которой в области кашубистики, западнославянской диалектологии и, шире, славянского языкознания известны далеко за пределами Польши, – вышла первым изданием во Вроцлаве в 1991 году, фототипически воспроизведенным два года спустя при финансовой поддержке шведского Королевского Общества Искусств и Наук в Гётеборге; второе же, словенское ее издание было осуществлено в 2005 году в Любляне. Теперь перед читателем издание третье, исправленное и дополненное в особенности перечнем избранной новейшей литературы предмета, появившейся после 1991 года (с. 205–212).

Книга, посвященная памяти профессора Здзислава Штибера, содержит *Вступительное слово к настоящему изданию*, *Предисловие к первому изданию* и семь глав: I. *Очерк ранней истории лингвистических разысканий в области этногенеза славян*; II. *Языкознание и другие науки, изучающие раннюю историю славян*; III. *Гидронимическая проблематика в исследованиях этногенеза славян*; IV. *Славянские этнонимы и антропонимия*; V. *Фонетическая дифференциация славянской языковой территории*; VI. *Роль лексики в исследовании этногенеза славян*; VII. *Этапы, предшествующие истории славян*. Завершают ее *Заключение*, *Список цитируемой литературы*

и использованных источников, англоязычное Резюме и текст доклада автора на конференции 2001 года *Через десять лет после написания «Ранней истории славян...»*, который те же десять лет тому назад послужил предисловием к словенскому изданию книги, а также упомянутый выше перечень *Избранная новейшая литература предмета*, доведенный до 2013 года. В обоих библиографических списках, насчитывающих соответственно 520 и 140 позиций, заметное место занимают 52 работы по лингвоэтногенезу славян, принадлежащие самой Х. Поповской-Таборской.

В *Предисловии к первому изданию* автор пишет:

W książce tej staram się przedstawić i zanalizować krytycznie oparte na faktach językowych teorie i hipotezy związane z etnogenezą Słowian. Próbuję też przedstawić swoje własne koncepcje i rozwiązania, z góry jednak przepraszam Czytelnika za znaczny sceptycyzm, który niejednokrotnie w tej kwestii przejawiam (с. 11).

Сформулированный таким образом замысел и заявленный с самого начала пафос книги последовательно воплощаются во всех ее перечисленных выше главах, которые могут быть адресованы отнюдь не только узким специалистам. Увлекает уже первая из них, богатая цитатами из сочинений средневековых и позднейших авторов (вплоть до Адама Мицкевича и его современников), которые так или иначе высказывались на темы происхождения славян и их языка с опорой на библейскую историю и/или славянские устные предания (впрочем, преломленные сквозь призму книжно-письменной традиции), подкрепляя свои суждения зачастую наивными этимологиями и языковыми сближениями. Многие сюжеты, затронутые в этой вступительной части книги, получают дальнейшее развитие в главе, посвященной славянским этнонимам и антропонимам. Здесь исследовательница скрупулезно излагает различные этимологии, с одной стороны, относящихся к славянам экзонимов *венеты/венеды* у гота Иордана в VI в. н. э. (от них она решительно отделяет *венетов*, упоминаемых авторами I–II вв. н. э., которых нельзя однозначно отождествить со славянами), *анты* у того же гота Иордана и Прокопия Кесарийского, а также более поздние *ду(д)лебы* или *русь*, а с другой стороны – собственно славянских этнонимов: общего *славяне*, для которого в книге принимается как наиболее вероятная этимология, возводящая его к корню **slov-* со значением говорения, и выступающих у разных групп славян племенных названий, таких как *сербы*. В отношении последнего Х. Поповска-Таборска склоняется к давнему толкованию Александра Брюкнера, видевшего здесь тот же корень, что и в глаголе **sǫbati* ‘сосать, хлебать’, которое она дополнительно усиливает, указывая на соотносительный этимологически прозрачный чешский топоним *Mlékosrby*. В то же вре-

мя рассмотрение различных альтернативных трактовок тех же славянских самоназваний, как и ряда других (например, *сѣверь/сѣверяне*, а также *хорваты*), в том числе их этимологий на дославянской индоевропейской почве, вновь и вновь демонстрирует, как тесно бывает связан выбор этимологом той или иной отправной точки с характером его выводов относительно территории расселения, перемещений и контактов отдельных племен. При этом граница между экзо- и эндогенными этнонимами оказывается подвижной. Так, по отношению к названию *хорваты* выдвигались гипотезы о его собственно славянском, германском, кельтском и иранском происхождении, причем некоторые исследователи считали его корень соответственно кельтским (Е. Налепя) или иранским (О.Н. Трубочев) вариантом корня, заключенного в названии *сербы*. Как пишет Х. Поповска-Таборска

Na większości proponowanych etymologii budowano różnorakie teorie związane z [...] przemieszczeniami się Słowian bądź Protosłowian. Zważywszy jednak, że żadna z wysuniętych etymologii nie zdaje się w pełni przekonująca, wszelkie oparte na nich dociekania pozostać muszą wyłącznie w kręgu nieudowodnionych w sposób ostateczny hipotez (с. 80).

Проблематика локализации древнейшей территории («прародины») славян, их миграций и отношений с соседями остается в центре внимания автора на протяжении всей книги. В главе II обсуждается значимость данных археологии, истории, этнографии, антропологии и других областей знания (в том числе палеоботаники) – в сочетании с языковыми данными – для реконструкции ранних периодов становления славянского этноса. Глава III посвящена специально роли гидронимического материала. С самого начала декларированный Х. Поповской-Таборской скептицизм в отношении концепций, основанных на тех или иных фактах либо допущениях, который она разделяет с многими цитируемыми ею учеными, звучит и на этих страницах книги. Ср., например, приводимое в главе о гидронимах мнение Витольда Маньчака:

Jeśli zestawić, co różni autorzy piszą na temat ich pochodzenia, odnosi się wrażenie, że wręcz fantazjują. Nazwa Odry jest na przykład zdaniem T. Lehra-Spławińskiego celtycka, iliryjska lub słowiańska, zdaniem M. Vasmera germańska, zdaniem S. Mladenowa indoeuropejska, zdaniem Krahego iliryjska lub wenedzka, zdaniem F. P. Filina niesłowiańska, a zdaniem M. Rudnickiego słowiańska (с. 52).

В главе VII автор подводит итог длившихся десятилетиями исследований и дискуссий о «прародине» славян. Подробнее здесь излагаются три новейшие на момент создания книги концепции 1980-х годов: 1) Збигнева Голомба, помещавшего «пре-славян» (Preslavs) в верхнем течении Дона, а позднейших

праславян – в Среднем Поднепровье; 2) Виктора В. Мартынова, являвшегося сторонником висло-одерской гипотезы; 3) Олега Н. Трубачева, допускавшего смешанный характер заселения Европы в древности, а соответственно и значительную «проницаемость» праславянской языковой территории, в вопросе же ее первоначальной локализации выступившего за реабилитацию старой дунайской теории, которая «никогда не утрачивала полностью своей привлекательности». Констатируя противоположность существующих на сей день представлений о «прародине» славян, Х. Поповска-Таборска завершает главу риторическим вопросом: «Czyżby sprawa dociekań etnogenetycznych była aż tak bardzo beznadziejna?» (с. 160).

Большей определенности, по убеждению исследовательницы, особенно отчетливо высказанному в главе V, возможно достичь при реконструкции процессов истории праславянского языка, прежде всего фонетических, которым эта глава и посвящена. Автор книги отмечает преодоление некогда едва ли не всеобщего предпочтения учеными относительной хронологии этих процессов, сопровождавшегося либо отказом от более точной их датировки, либо отнесением их к очень отдаленному прошлому. Принимаемый также в отношении изменений, имевших различную реализацию на праславянской территории, такой подход предполагал признание рано начавшегося разрушения единства праславянского языка при существовании его на тот момент в достаточно широких границах. В противовес этому через всю книгу Х. Поповской-Таборской красной нитью проводится мысль о том, что праславянский язык до его распада, который начался поздно, только в середине I тысячелетия н. э., характеризовался значительным единством, причем территория его распространения до этого не могла быть обширной. В главе V исследовательница подробнее рассматривает те праславянские фонетические изменения, которые, согласно разделяемым ею оценкам таких ученых, как Юрий В. Шевелёв, Здзислав Штибер и др., допускают абсолютную датировку с точностью до одного-двух столетий. Из процессов, имевших общеславянский охват, это в особенности первая палатализация заднеязычных согласных, монофтонгизация дифтонгов, изменение $*\bar{u} > *y$, возникновение редуцированных гласных и возникновение $*\bar{o}$ на месте давнего $*\bar{a}$.

В том, что первые два процесса действовали еще в V в. н. э., в период, к которому относится колонизация славянами Верхнего Поднепровья, исследовательницу убеждает приводимый названными авторами материал гидронимов: преобразование балтийских названий рек типа *Akesa*, *Laukesa* в славянские *Očesa*, *Lučesa*; аргументами же в пользу поздней датировки возникновения редуцированных и $*\bar{o}$ служат, в частности, финские заимствования из праславянского *akkuna* 'окно', *lusikka* 'ложка' и распространившиеся из славян только со времени принятия христианства заимствования из латыни

типа **roganъ* < *raganus*. Между тем, как доказывал в первом томе *Очерка сравнительной грамматики славянских языков* Самуил Б. Бернштейн¹, неоднократно упоминаемый в книге Х. Поповской-Таборской, во всех таких именах собственных и аппеллятивных лексемах, заимствованных славянами у неславянских соседей и наоборот, можно усматривать не отражение живых фонетических процессов или актуального на момент заимствования состояния в языке-источнике, а результаты субституции. Цитирую по переизданию труда С.Б. Бернштейна, вышедшему под названием *Сравнительная грамматика славянских языков*², которое – как и польскоязычное издание этого сочинения³ – в библиографической части рецензируемой книги, к сожалению, не указано:

Никак нельзя согласиться с Якубинским, который утверждал, что „некоторые древнерусские заимствования из греческого языка восходят к глубокой дохристианской древности”... [...] Анализируя случаи *Чурило*, *Ничипор*, *чур* и др., он пришел к выводу, что соответствующие греческие прототипы *Κυρίλλος*, *Νιχιφόρος*, *χῦρος* должны были быть заимствованы еще до нашей эры. [...] Лишены убедительной силы все доказательства Якубинского. В случаях типа *Ничипор* мы имеем дело не с фонетическим процессом, а с обычной субституцией⁴.

Подобную трактовку, как кажется, можно было бы применить также к балто-славянским гидронимам типа *Akesa* > *Očesa*, причем это касалось бы не только замен заднеязычных согласных, как при первой палатализации, но и замены *ǰ* на *ǫ*. В отношении последней С.Б. Бернштейн, решительный противник «теории праславянского акавизма» в том виде, в каком ее сформулировал Владимир Георгиев, писал, обсуждая некоторые случаи передачи греческих слов славянами и славянских – греками:

... славяне могли передать греческий [α] только гласным [ǫ]. Это произошло бы даже в том случае, если бы славянский [ǫ] был сильно лабиализован. Дело в том, что при передаче заимствованных слов решает дело не акустическая близость звуков, а закономерности того языка, который усваивает данное слово. В праславянском существовала корреляция [ā] – [ǫ], которая подчиняла себе и заимствованные слова⁵.

¹ С.Б. Бернштейн, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, Москва 1961.

² С.Б. Бернштейн, *Сравнительная грамматика славянских языков*, Москва: Издательство Московского университета; Наука, 2005.

³ S. Bernstein, *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Alternacje. Tematy imienne*, Warszawa: PWN, 1985.

⁴ С.Б. Бернштейн, *Сравнительная грамматика ...*, 2005, с. 100.

⁵ *Op. cit.*, с. 146.

Столь же однозначно высказывался С.Б. Бернштейн о датировке возникновения редуцированных гласных на основании передачи тех или иных славянских лексем в соседних языках:

Не могут быть использованы для установления хронологии славянские заимствования в финских языках, так как звуков [ъ] и [ь] в финских языках не было, а наиболее близкими были именно звуки [i] и [u]. Вот почему финские *akkuna* (< псл. *okъno*), *palttina* (< псл. *polъno*), *turku* (< псл. *toъrgъ*) не могут убедительно свидетельствовать, что во время их заимствования из славянского гласные [ĩ] и [ũ] еще не перешли в сверхкраткие [ъ], [ь]. Эти и аналогичные примеры могут лишь свидетельствовать, что сверхкраткие гласные в „слабой” позиции еще не утратились⁶.

Разумеется, признание достаточности данных топонимики и заимствований для датировки реконструируемых праязыковых процессов – право каждого автора, тем более отдающего предпочтение абсолютной хронологии перед относительной. Представляется, однако, что и в этой части монографии Х. Поповской-Таборской мог бы в большей мере проявиться изначально обещанный исследовательницей критицизм в отношении любой абсолютизации – хотя бы в виде отсылки к критическим суждениям российского ученого, чья точка зрения на некоторые другие праславянские процессы в дальнейшем не раз принимается во внимание. Например, при рассмотрении различной в праславянских диалектах судьбы сочетаний **tl*, **dl*, в том числе их специфических рефлексов **kl*, **gl* в севернорусских говорах. Автор монографии пишет:

Zdecydowanie dyskusyjne wydaje się [...] przeświadczenie niektórych badaczy [Bernštejn 1961; Zaliznjak 1988], że zachowanie elementu zwarto-wybuchowego w dawnych grupach *tl*, *dl* wskazuje na starą więź dialektów północnorosyjskich z językami zachodniosłowiańskimi. Wciąż niedostatecznie dostrzegana zdaje się przekonująca teza Stiebera, którego zdaniem w grupach *kl*, *gl* mamy do czynienia z innym sposobem realizowania w dialektach okolic Nowgorodu podstawowej innowacji wschodniosłowiańskiej, to jest likwidacji dawnych grup *tl*, *dl* (chodzi o zmianę dysymilacyjną dokonaną poprzez wprowadzenie w miejsce dawnych *t*, *d* spółgłosek bardziej artykularyjnie odległych od l) [...] (с. 94).

Между тем С.Б. Бернштейн, напротив, отклонял мнение акад. Шахматова, который считал сохранение взрывного элемента названных сочетаний в северо-западных русских говорах (в древнепсковском диалекте) чертой «ляшской фонетики», обязанной смешению населявших некогда Северо-Западную Русь «ляшских племен» с русскими, сам же выдвигал объяснение,

⁶ *Op. cit.*, с. 177–178.

по сути близкое предложенной позднее трактовке З. Штибера. Своеобразие гипотезы С.Б. Бернштейна состоит в допущении для восточного диалекта праславянского языка, разделившегося затем на восточно- и южнославянские диалекты, слияния обоих элементов сочетаний **tl*, **dl* в сложные промежуточные образования $\check{t}\check{l}$, $\check{d}\check{l}$, впоследствии упростившиеся в *l*. В западном диалекте сочетания **tl*, **dl* оказались возможными и сохранились – но, по С.Б. Бернштейну, существовал и третий путь:

Сочетания **tl*, **dl* в языке были нетерпимыми. Однако они не перешли в $[\check{t}\check{l}]$, $[\check{d}\check{l}]$. Здесь сочетание $[tl]$ было заменено возможным сочетанием $[kl]$, а сочетание $[dl]$ – возможным сочетанием $[gl]$. Эта замена была характерна для отдельных говоров праславянского языка на всей его территории. Такова была судьба этих сочетаний в крайних северо-западных диалектах русского языка, в северо-западных диалектах словенского языка. Аналогичный процесс в отношении сочетания $[dl]$ был пережит некоторыми западнославянскими языками. Довольно последовательно он отражен в кашубском языке, отражают его некоторые говоры польского языка (говоры Мазовшья)⁷.

Не вполне точно излагается в книге Х. Поповской-Таборской и опубликованная в 1988 году работа Андрея А. Зализняка

który do pierwotnej północno-zachodniej grupy (подчеркнуто мною – С.С.) dialektów słowiańskich zalicza języki północnolechickie, język polski i języki łużyckie oraz tak zwany dialekt północnokrywicki, stanowiący zachodnią część obszaru staronowogrodzkiego (с. 99–100).

В действительности А. А. Зализняк в данной работе развивал выдвинутую в 1980 году концепцию Г. А. Хабургаева

согласно которой в определенный момент развития праславянского языка (подчеркнуто мною – С.С.) наиболее отчетливо выделились две диалектные группы – северная и южная [...] Таким образом, вырисовывается следующая картина. С одной стороны, выделяется северная (точнее, северо-западная) группа диалектов, включающая польский, севернолехитские, лужицкие и севернокривичский. При этом севернокривичский диалект в ряде отношений оказывается самым архаичным представителем всей группы (что связано с ранним отрывом его носителей от родственных племен)⁸.

⁷ *Op. cit.*, с. 190.

⁸ А.А. Зализняк, *Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка*, [в:] *Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. София, 1988 г. Доклады советской делегации*, Москва: Наука, 1988, с. 176.

Для уяснения позиции А.А. Зализняка, безусловно, важно не привлекаемое Х. Поповской-Таборской фундаментальное исследование ученого *Древненовгородский диалект*, выдержавшее уже два издания⁹. Во втором издании, переработанном с учетом материала находок 1995–2003 годов, автор, заменяя употребляемые им ранее обозначения диалектов типа «кривичский», «ильменско-словенский», отражавшие их гипотетическое соотнесение с древними племенами, на чисто географические названия, заключает:

Описанный здесь эксперимент реконструкции попросту говоря показывает, что новгородско-псковский диалект и наддиалектный древнерусский сводятся к единому источнику не на православнославянском уровне, а на праславянском¹⁰.

К этому выводу подводит рассмотрение фонетических и морфологических особенностей указанного идиома, а также характеризующий «древнепсковский и другие диалекты кривичского ареала [...] ряд специфических акцентуационных черт древнего происхождения», о которых А.А. Зализняк в цитируемом исследовании лишь упоминает со ссылкой на статьи С.Л. Николаева¹¹. К сожалению, в книге Х. Поповской-Таборской акцентологическая проблематика не принимается во внимание не только в связи с древненовгородским диалектом, но, например, и при рассмотрении балто-славянских языковых отношений в главе VI. В монографии никак не учитываются ни классические, ни относительно недавние изыскания по славянской акцентологии: труды того же А.А. Зализняка¹² или В.А. Дыбо¹³, работы С. Л. Николаева. Между тем значение акцентологических данных для праславянских реконструкций трудно переоценить. Возможно, привлечение также и этих данных побудило бы автора несколько скорректировать суждение, звучащее в конце главы V книги (и повторяемое с вариациями в Заключении):

W świetle przytoczonych wyżej chronologii faktów językowych mówić [...] wypada o mniej więcej jednoczesnym (a w każdym razie bardzo bliskim sobie w czasie) rozszczępieniu się Praszłowian na trzy podstawowe grupy Słowian zachodnich, wschodnich i południowych (с. 103).

⁹ А.А. Зализняк, *Древненовгородский диалект*, Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995; Изд. 2-ое, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва: Языки славянской культуры, 2004.

¹⁰ А.А. Зализняк, *Древненовгородский диалект...*, 2004, с. 57.

¹¹ *Op. cit.*, с. 55, 57.

¹² А.А. Зализняк, *От праславянской акцентуации к русской*, Москва: Наука, 1985.

¹³ В.А. Дыбо, *Славянская акцентология*, Москва: Наука, 1981.

Разумеется, в любом случае нельзя не согласиться с замыкающей данную главу констатацией длительного сохранения славянского языкового единства, которое имело место не только в IX веке (X. Поповска-Таборска ссылается на слова византийского императора Михаила по версии *Жития Мефодия* «да селуняне вьси чисто словѣньскы бесѣдуютъ»), но, по мнению, разделяемому также А.А. Зализняком, оставалось фактом даже два столетия спустя:

Взаимное понимание между всеми славянами в то время еще не составляло особых трудностей. С этой точки зрения мы вправе говорить еще и в XI в. о позднем праславянском языке и его диалектах¹⁴.

В завершение хочется еще раз отметить, что монография X. Поповской-Таборской написана у в л е к а т е л ь н о – и в том числе благодаря этому может служить хорошим пособием по введению в славянскую филологию для тех (читающих по-польски), кто решит посвятить себя этой науке. Таких сейчас, к сожалению, становится все меньше, но издание сочинений, подобных рецензируемой книге, представляется залогом того, что преемственность на славистической ниве – даст Бог – не прервется.

Сергей С. Скорвид

Российский государственный гуманитарный университет
Москва